

Регламентация строительства и жизни в новом городе имела глобальный характер. Об этом уже много написано и можно лишь вкратце повторить общеизвестное. Ни один дом, ни одно строение не могло возводиться в Петербурге по воле хозяина, так, как ему нравилось. На все существовали четкие инструкции и регламенты, над всем царил дух регулярности. Он виден уже в утвержденных планах застройки Васильевского острова, разбитого на равные кварталы, рассеченные каналами. На берегу этих каналов, ни на дюйм не отступая от утвержденной линии (в один горизонт), должны были стоять, тесно прижавшись друг к другу, дома петербуржцев. Указы детально регламентировали такую сплошную фасадную застройку.

Впрочем, это не означало, что жилища граждан предполагалось строить одинаковыми как близнецы. В 1714 г. в канцелярии главного архитектора города Д. Трезини были утверждены типовые проекты (точнее — образцовые рисунки) жилых домов трех типов: для «именитых», для «зажиточных» и для «подлых». Так же предполагалось строить и загородные дома, причем хозяева заранее знали, какого размера у них должны быть конюшни, сараи, амбары и людские избы.⁸⁹

Эти принципы застройки были глубоко чужды традициям русской национальной архитектуры, привычкам и менталитету народа. В старинных русских городах на линию улицы выходил не дом, а огород или сад (точнее — его высокий, «обигленный», глухой забор). Просторный дом со множеством клетей и пристроек возвышался в центре усадьбы, привольно окруженный сараями и конюшнями. Такой дом стоял в отдалении от усадьбы соседа. Поэтому требования Петра к петербуржцам селиться в домах, выдвинутых на красную линию улицы и стоящих «сплошной фасадой», стена к стене казались людям дикостью, издевательством, создавали множество непредвиденных неудобств. Однако возражать русско-самодержцу никто не смел и строили так, как он хотел.

Поначалу никакой регламентации в застройке улиц и домовых участков Петербурга не было. Петр лишь рекомендовал строить улицы прямо, «ибо одна работа — прямо или криво делать».⁹⁰ Но издавно известно, что у нас при этом срабатывает правило: если что-то строится стихийно, то непременно выходит криво, а если что-то и строится регулярно, то обяза-

⁸⁹ Крашенинникова Н., Шилков В. Проекты образцовых загородных домов Д. Трезини и застройка берегов Фонтанки // АН. М., 1955. Т. 7. С. 5—12.

⁹⁰ Тимченко-Рубан Г. И. Первые годы Петербурга: Военно-исторический очерк. СПб., 1901. С. 163.

тельно бывает недостроено. Так было на первых улицах Петербурга. Лишь не ранее 1710 г. Петр начинает требовать, чтобы дома строились в один горизонт, их фасады непременно выводили на улицу, а хозяйственные постройки оставляли в глубине участка.⁹¹ Указ 1712 г. предписывал, что дома нужно строить на «красной линии», «а не посередь дворов своих», «как в старину делали».⁹² Здания, согласно директивам полиции, должны быть поставлены так, чтобы «никакое строение за линию или из линии не выдавалось, но чтоб улицы и переулки были равны и изрядны».⁹³ Более того, здания предписывалось возводить в стык с домом соседа. Для чего это делалось? Для «регулярства», красоты, конечно! Как известно, царь хотел, чтобы Петербург стал «второй Амстердам», где вдоль тихих каналов высятся сплошные фасады прижатых друг другу домов и их чистые, высокие окна приветливо смотрят на мир. Так будет и в Петербурге! — мечтал романтик Петр и указывал предусматривать при строительстве зданий смыкание соседних домов «в одну стену» (т. е. между домами должна быть общая стена) и для этого из стен к соседям «выставливать кирпичи впредь для смычки», иначе ослушникам было обещано разломать углы построенных жилищ.⁹⁴ Строить надлежало также из предписанного указом материала и по указной технологии. Как уже сказано выше, в 1711 г. Петр собственноручно построил на Городовом острове у Петровского моста «образцовую мазанку» для типографии. Устройство и метод сооружения мазанки было велено брать за образец при постройке жилья и публичных зданий. Мазанки казались удобными, простыми, красивыми и менее пожароопасными, чем обычные деревянные избы. Поэтому указом 4 апреля 1714 г. деревянное строительство в городе было запрещено.⁹⁵ Однако власти вскоре одумались: мечты опережали реальность и от деревянных домов, при всем желании царя, отказаться было невозможно — камня, кирпича, каменщиков в городе не хватало даже на казенные стройки.

Кроме того, деревянное строительство имело в России огромный исторический опыт. Возведение такого дома напоминало работу с деталями современного детского конструктора — сборка привезенного в разобранном виде сруба занимала у плотников два-три дня. Петру, спешившему поскорее возвести целый город, без деревянных построек было не обойтись. Поэтому деревянными домами застраивалась Московская сторона, Охта и даже Васильевский остров, где поначалу строить из дерева было категорически запрещено. Чтобы ввести деревянное строительство в законное русло и успокоить собственную совесть, в 1719 г. Петр предписал изготовить деревянный образцовый дом.⁹⁶

⁹¹ ПСЗ. Т. 5. № 2855, 3799; *Луппов С. П.* История строительства Петербурга... С. 47.

⁹² ПСЗ. Т. 4. № 2548.

⁹³ Там же. Т. 5. № 3203.

⁹⁴ Там же. Т. 6. № 3822.

⁹⁵ Там же. Т. 5. № 2792.

⁹⁶ *Луппов С. П.* История строительства Петербурга... С. 48.

Особенно решительную борьбу с самодеятельным, нерегулярным строительством царь повел с 1715 г., когда был издан грозный указ, «дабы никто нигде против указу и бес чертежа архитекторского (включая солдацкие и нисших мастеровых людей) отнюдь не строился, под лишением всего того, что построил и, сверх того, за каждое жилье — десять рублей» штрафа.⁹⁷ Такие решительные указы впоследствии повторялись многократно. С 1718 г. следить за постройками частных взялась Главная полицмейстерская канцелярия, в штат которой, по предложению Леблонна, вошел архитектор. Только он мог дать разрешение на строительство дома, выдать заявителю особую гравюру-чертеж («рисунок печатный») дома, который ему полагалось строить по статусу.⁹⁸ Принципиальных отклонений от окончательно утвержденного проекта не допускалось, можно было только (да и то лишь по специальным отметкам на чертеже) «переменить порталы и чердачки», не срубать на участке хороший лес, а «также и фонтану делать, смотря по месту».⁹⁹

Но даже если петербуржец построил свой дом, как тогда говорили, «по архитектуре», то есть по плану, утвержденному, вероятно не без проволок и «проторей», у Трезини и в полиции, у него не было никакой гарантии, что здесь он поселится насовсем. Его всегда подстерегала «чума переселений». Во-первых, как уже сказано выше, земля, на которой стоял дом горожанина, не была его собственностью, ею владел государь, и в любой момент отмеренный застройщику участок мог быть отобран или обменен на другой, что и происходило довольно часто. Во-вторых, в городе шли непрерывные перестройки и перепланировки. Инициатором их был сам Петр, в голове которого, скажем мягко, до конца не было ясного представления насчет застройки столицы. Как справедливо писал посетивший город в 1730-х гг. К. Р. Берк, «за эти прошедшие 30 лет в Петербурге было построено больше, чем можно увидеть глазами, так как очень многое из хорошо построенного снесено, а взамен построено другое, или же построенное разрушилось до основания и возведено заново».¹⁰⁰ По мнению И. Э. Грабаря, «многое из того, что строилось по его [Петра] указаниям, вскоре, по его же настоянию, перестраивалось. Нередко постройка прекращалась после того, как были выведены фундаменты и затем продолжалась по новому плану. Часто здание начинал один архитектор, продолжал другой, а кончал третий».¹⁰¹ Огромный, тяжелый труд, кучи денег исчезали из-за расхлябанности, непродуманности в организации всего градостроительного дела, да и просто из-за капризов царя.

Если траты на строительные эксперименты царя финансировала казна, то расходы жителей на переселения внутри города брались из их же кар-

⁹⁷ ПСЗ. Т. 5. № 2932.

⁹⁸ Петров П. Н. История Санкт-Петербурга... С. 124.

⁹⁹ Лисаевич И. И. Доменико Трезини // Зодчие Санкт-Петербурга. С. 49—50.

¹⁰⁰ Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны... С. 174.

¹⁰¹ Грабарь И. Э. Основание и застройка Петербурга. С. 95.

мана, при этом перепланировкам улиц и целых частей города не было конца — власти метались из одной крайности в другую. После того как котлинский проект был «подморожен», приехавшие в Петербург строились на Городовой, Московской и других сторонах. На основании устных распоряжений царя Трезини в 1712 г. сделал чертеж Московской стороны, и «паредворцы взяли места на Московской стороне и начали строиться».¹⁰² Однако вдруг в октябре 1714 г. части переселенцев был дан указ срочно переезжать с Московской стороны на Выборгскую. Но и это оказалось временным решением, вскоре появился новый указ: чтобы все «хоромное строение с мест своих сносили и строили на Васильевском острову», где заново создавался город и где под застройку выделяли участки.¹⁰³

Естественно, что люди, только что построившие на новом месте дома и начавшие к ним кое-как привыкать (заметим, что это было непросто — Берхгольц писал в 1721 г., что жить в петербургских домах — мучение: «под моею спальнею — болото, отчего полы, несмотря на лето, никогда не были сухими», половицы покрыты каемкой плесени и дамы на каблуках непременно проваливались бы в щели),¹⁰⁴ отчаянно не хотели опять подниматься и переезжать на новое место. Когда чтение указов на улицах не помогало, упрямец штрафовали, а потом партии каторжников под конвоем солдат ломали крышу у дома или сбивали его с места. Указ 14 января 1721 г. о переселении с Московской стороны на Васильевский остров был почти людоедским: у не переехавших вовремя «прослушников» было приказано «в апреле месяце у всех изб кровли и потолки сломать и крыть не давать» или выселить упрямых «неволею в черные избы».¹⁰⁵ Многие были в отчаянии. Как писал прусский посланник Мардефельд, «этот приказ отзывается на всех богатых купцах всех наций, которые ведут оптовую торговлю, ремесленниках всех родов, мясниках, пивных и винных торговцах, одним словом, на всех, которые заботятся о необходимости и приятности в жизни. Жители находятся в отчаянии: их лишают домов, садов, теплиц, а потом по произволу заставляют на новых местах опять селиться, а все, живущие по реке, должны строить каменные дома».¹⁰⁶ Действительно, был единственный способ избежать переселений и остаться на Адмиралтейском острове — это построить каменный дом. Таких жителей уже не трогали, но для большинства петербуржцев каменное строительство было не по карману. В целом, в немалой степени благодаря головотяпству Петра и его окружения, сразу не определившего места застройки города, переселения стали мукой для жителей, вели к бесчисленным расходам, трате сил и средств. Угрозы репрессий становились един-

¹⁰² Цит. по: *Лисаевич И. И.* Доменико Трезини. С. 45.

¹⁰³ *Луппов С. П.* История строительства Петербурга... С. 51; РИО. Т. 11. С. 404—405.

¹⁰⁴ *Берхгольц Ф. В.* Дневник... Ч. 1. С. 41—42.

¹⁰⁵ АСПБИИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 97. Л. 19 и др.

¹⁰⁶ РИО. Т. 15. С. 184—185.

ственным языком перестройки «парадиза», а проезды растягивались на годы.¹⁰⁷

Эти проезды почти не касались тех жителей Адмиралтейской, Литейной и других слобод, которые работали на верфи, в Литейном дворе и на других производствах. Но зато их угнетали перепланировками Адмиралтейской стороны, запретами на достройку, перестройку и даже ремонт их домов — считалось, что так можно сэкономить нужный для Васильевского острова строительный материал. Указ об этом вышел в 1716 г. Часть жителей, не кончивших ремонт, получили разрешения на достройку и, полагая, что власть контролировать их не будет, что-то сделали заново. Тут-то и разразилась гроза. Чиновники пошли с проверкой по домам и выяснили, что, например, ландрихтер Иван Нахолов вместо того, чтобы «старое строение перемшить, да вновь построить баню», посмел не только перемшить (т. е. заново проконопатить) три избы, но и прирубил к ним новые сени, да еще заново поставил «две светлицы, да людскую избу». Нет, такую дерзость обнаглевшему частнику государь простить никак не мог — дом Нахолова был конфискован в казну!¹⁰⁸

Избежав чумы переселений и наказания за пристройку нового нужника, можно было попасть под секиру перепланировки. Дело в том, что власти, не препятствуя поначалу свободной застройке Адмиралтейской и Московской сторон, разом спохватились и с 1715 г. начали поход против нерегулярности, взялись «прямить» улицы, естественно, совершенно не считаясь с уже существующей застройкой. План «регулярной» перепланировки составил Маттарнови, позже, в 1719 г., его исправил архитектор Н. Ф. Гербель, и после этого «поход» начался. Взяв в руки план Гербеля, архитектурные ученики и солдаты принялись лазать по участкам и ставить вежи — колья. По ним и должны были пройти строго «в линею по архитектуре» новые улицы, а «неправильно, не по линии» стоявшие дома и постройки надлежало (естественно, за счет владельцев) перенести к «линее» или уничтожить.¹⁰⁹ Думаю, что намерения властей вызвали панику и тоску у жителей кривоватых улиц слобод. По другим, полулегендарным источникам известно, что для «прямления» улиц каторжники, приписанные к архитектурным командам, таскали по улицам сколоченную из бревен раму — «прямылку». Если «прямылка» не проходила между двумя, стоящими фасадами друг к другу домами, то их надлежало сносить. К тому же полагалось ставить дома один подле другого, чтобы «в купности быть... а не так как ныне в расстоянии живут».¹¹⁰ С тем обстоятельством, что перевезенный дом из-за этого приходилось порой ставить в болото, не считались. Главное, чтобы было все внешне красиво, в линию, и густо — «в купности».

¹⁰⁷ ПСЗ. Т. 7. № 4405, 4474. См. также: Агеева О. Г. «Величайший и славнейший...». С. 105 и др.

¹⁰⁸ Агеева О. Г. «Величайший и славнейший...» С. 129—130.

¹⁰⁹ ПСЗ. Т. 5. № 3427; Т. 6. № 3560. Сводку материала на эту тему см. в кн.: Агеева О. Г. «Величайший и славнейший...». С. 120—121.

¹¹⁰ Луппов С. П. История строительства Петербурга... С. 53—54.